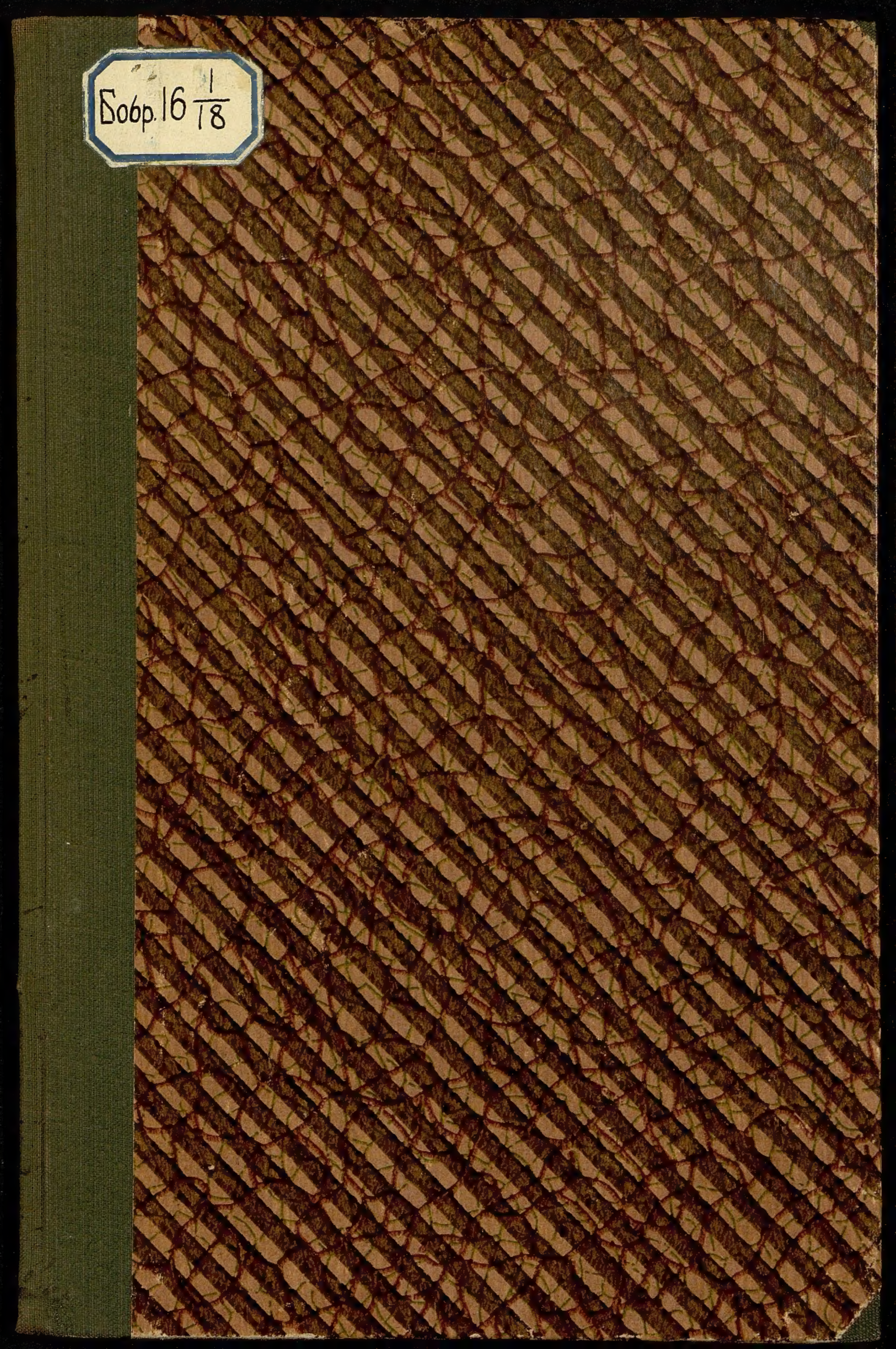

Бобр. 16 1/18

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ

СЕМИБОЯРЩИНЫ.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.
1910.

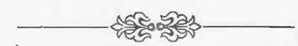
ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ

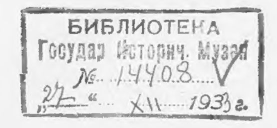
СЕМИБОЯРЩИНЫ.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.
1910.

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ СЕМИБОЯРЩИНЫ.

„Видно городъ великъ, что семь воеводъ".
Пословица *(Даль)*.

„Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду".
Крыловъ.

Время Семибоярщины, конечно, далеко не счастливое время; оно и подверглось строгому осужденію, во многомъ справедливому. Но есть одно обвиненіе, которое, по господствующему мнѣнію, тяготѣетъ надъ всѣми дѣятелями Семибоярщины,—обвиненіе въ кривдѣ—въ государственной измѣнѣ: здѣсь, мнѣ кажется, слѣдуетъ глубже вникнуть въ положеніе и тщательнѣе разобраться въ составѣ Семибоярщины, въ дѣятеляхъ ея, оглядываясь на прошлое и сознавая, что многое въ немъ еще не выяснено, и не мало еще передъ нами открытыхъ вопросовъ.

Изъ кого состояла Семибоярщина? Кто были эти семь бояръ, каковы были ихъ нравственныя качества, ихъ способности, ихъ семейное, служебное и имущественное положеніе, ихъ родство, ихъ раздѣленіе по партіямъ, ихъ прикосновенность къ событіямъ недавняго минувшаго и участіе въ переворотахъ трехъ послѣднихъ царствованій? Представляли они союзное цѣлое, слѣдовали ли извѣстному замыслу, или стремились къ разнымъ цѣлямъ, согласно личнымъ свойствамъ, по своему ли почину, или повинуясь руководителямъ болѣе сильнымъ?

Здѣсь мы вступаемъ неизбѣжно въ область „детальной" разработки, недостаточно провѣренной и потому допускающей прежде-

временное подведеніе итоговъ. Имѣли ли они связи съ землею, вліяли ли на современниковъ, сильны ли были этими связями, и кого изъ числа іерарховъ и лицъ духовныхъ могли они почитать своими единомышленниками? Послѣднее обстоятельство особенно важно, ибо починъ рѣшительнаго нижегородскаго всенароднаго движенія, съ Мининымъ во главѣ, не могъ состояться безъ внѣшняго воздѣйствія и напутственнаго благословенія церкви!

Особенно важно опредѣлить отношенія каждаго изъ семи бояръ къ великой обители Преподобнаго Сергія, къ этому духовному и политическому центру того времени, основанному тѣмъ великимъ печальникомъ и собирателемъ Русской земли, безъ котораго собираніе Московскихъ Государей было бы недостижимо.

Все это вопросы далеко не легкіе, затемненные, и тѣмъ болѣе, что голоса современныхъ писателей, какъ своихъ, такъ и чужихъ, не могутъ служить вѣрнымъ руководствомъ, а скорѣе, сбивающимъ, случайно, или умышленно, смотря по принадлежности автора къ той или другой средѣ или партіи.

Въ изслѣдованіи „о древнихъ сказаніяхъ“ [1]) опредѣленно выступаютъ эти авторы съ своими пристрастіями, партійными и личными, чѣмъ и опредѣляется истинное значеніе ихъ писаній. Иностранные писатели также не миновали подробной и обстоятельной оцѣнки.

Желательно было бы распространить подобныя изслѣдованія на политическихъ дѣятелей и, въ частности, на членовъ Семибоярщины. Эти „семь бояръ“, хорошо намъ извѣстныхъ, не выступаютъ однако достаточно выпукло и ясно, а краски сгущены надъ ними, безъ достаточныхъ оттѣнковъ и безъ должнаго полнаго безпристрастія.

Если же признать, что вопросъ о „Розстригѣ“ еще открытый, то пріемъ по отношенію къ дѣятелямъ Семибоярщины долженъ выразиться, исходящимъ изъ основы еще шаткой и потому допускающей извѣстный просторъ въ сужденіяхъ о дѣяніяхъ и лицахъ Смутнаго времени.

На необходимость „детальной“ разработки указалъ Бестужевъ-Рюминъ [2]). Ея не миновать для уразумѣнія многихъ причинъ и явленій, для оцѣнки характеровъ, для сужденій, опирающихся на „безстрастныхъ“ свидѣтельствахъ документальныхъ и при томъ домашняго дѣла, на писцовыхъ книгахъ, кормовыхъ и вкладныхъ, на синодикахъ, не пренебрегая и житіями свя-

---

[1]) Платоновъ. Др. Русск. Сказанія.

[2]) К. Бестужевъ-Рюминъ. Письма о Смутномъ времени.

тыхъ [1]), что весьма понятно, въ виду неразрывности у насъ гражданской исторіи съ церковною, всего же болѣе, на основаніи родства и семейной близости, считаясь съ женскими вліяніями, недостаточно обратившими на себя вниманія, но съ которыми всегда и неизбѣжно слѣдуетъ считаться. Не можетъ же русская исторія составлять въ этомъ исключенія, да и трудно отрицать наличность сильныхъ женскихъ характеровъ!

Женскій вопросъ и тогда былъ налицо, и государственные дѣятели того времени точно также подвергались вліянію матерей, сестеръ, женъ и пр. Если мы всѣ эти соображенія примемъ во вниманіе при детальномъ изученіи личностей семи бояръ-правителей, то каждый изъ нихъ выступитъ съ болѣе опредѣленными чертами, съ помощію которыхъ яснѣе выдвинется и соотвѣтствующая роль каждаго изъ нихъ. Тогда не будетъ возможности подводить имъ одного общаго итога. Если же допустить вліяніе отдѣльныхъ лицъ на событія, то и самыя событія съ ихъ послѣдствіями получатъ болѣе опредѣленное освѣщеніе.

Важенъ починъ, и если мы дружно примемся за работу надъ подобной „детальной“ разработкой,—то мы принесемъ дѣйствительную пользу и двинемся впередъ, чего нельзя ожидать при излюбленномъ способѣ нѣсколько односторонняго использованія источниковъ; пожелаемъ, чтобы сознаніе это окрѣпло, и въ этомъ большую услугу могутъ оказать вновь возникшія столичныя генеалогическія общества.

Указываютъ на личные расчеты правителей, выразившіеся рядомъ прошеній о пожалованіи „деревнишекъ“ и прошеній, направленныхъ къ королевичу Владиславу и къ самому королю Сигизмунду. Конечно, эти дѣйствія не похвальны, и нѣтъ основаній ихъ защищать.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что посредникомъ въ этихъ переговорахъ является очень сильный человѣкъ съ польско-литовской стороны, Левъ Сапѣга. Это человѣкъ, однако, далеко не чуждый нашимъ боярамъ. Со многими изъ нихъ у него давнія сношенія, съ иными у него должны быть общія тайны, связанныя съ недавнимъ прошлымъ. Зналъ онъ хорошо нашихъ бояръ, да и они его знали. Еще неизвѣстно, кому принадлежала вообще мысль о деревнишкахъ. Не по почину ли Сапѣги заговорили въ этомъ смыслѣ бояре? Тутъ у Сапѣги могла быть своя политика,—желаніе привлечь людей сильныхъ съ московской стороны и съиграть роль добраго посредника. Бояре тѣ же люди своего времени, съ недо-

---

[1]) Ключевскій. Житія святыхъ, какъ историческій источникъ.

статками, присущими и другимъ современникамъ всякой иной среды. Побужденія просителей могли быть разнообразны: иные могли стараться хотя бы ради укрѣпленія имущества, иные по причинамъ иного свойства, связаннымъ съ извѣстнымъ наслѣдствомъ понятій и пріемовъ.

Попрошайничество деревнишекъ также неприглядно въ глазахъ потомства, какъ и перелеты въ Тушинскій лагерь. Однако, кто же не перебывалъ въ этомъ лагерѣ, не исключая и тѣхъ, которыхъ мы признаемъ выдающимися дѣятелями, даже вождями. Самъ Филаретъ подалъ тому примѣръ. Доблестный князь Пожарскій не чуждъ былъ сильныхъ колебаній. И здѣсь могло быть различіе многообразныхъ побужденій, либо грубыхъ, чисто практическихъ, либо иного свойства,—разъ, что „воръ“ выдавалъ себя за погибшаго 17 мая 1606 года. Естественно было удостовѣриться въ его личности и изучить, насколько онъ силенъ, какъ „воръ“, и при томъ личными ли свойствами, или вліяніемъ руководителей. Даже появленіе у него Марины могло быть вызвано правдоподобіемъ спасенія Розстриги, ибо разсказъ о исчезнувшихъ съ конюшни лошадяхъ былъ очень распространенъ. Всѣ же сочувствовавшіе Розстригѣ, не какъ „вору“, а какъ „безвременному молодцу“ нашихъ былинъ, должны были желать удостовѣриться въ подлинности появившейся его тѣни.

Мы видимъ, что далеко не всѣ и остаются у него. Не всѣ одинаково дѣйствуютъ, и перелеты между собою далеко не единомысленны. Сложныя побужденія заставляютъ недовольныхъ существующимъ положеніемъ бросаться въ разныя стороны въ исканіи выхода. Мнѣ кажется, что болѣе ясная обрисовка „Голицынской партіи“, ея состава и значенія, помогла бы къ облегченію разбора всеобщей шаткости. Особенно желательно отмѣтить духовенство по направленіямъ,— во-первыхъ, по сравненію Іосифлянъ съ ихъ соперниками, затѣмъ по сочувствующимъ или враждебнымъ учрежденію у насъ патріаршества и, наконецъ, по связямъ родства и дружбы, по отношенію къ партіи княжеской и боярской и, въ частности, къ партіи Голицына, а также по принадлежности къ слоямъ народнымъ, по значенію личному.

Значеніе духовенства въ нижегородскомъ движеніи не заслоняется дѣятельностью Минина, въ рукахъ котораго произошло объединеніе; самъ Мининъ на свой ли страхъ поднялся на рѣшительное движеніе, или по сознанію поддержки и указаній, подъ неизбѣжнымъ церковнымъ покровомъ? Поднять народъ безъ такой поддержки врядъ ли возможно, и естественно подумать о томъ, откуда именно шли тогда направленіе и починъ. Почва для посѣва была

самая благодарная, и народъ русскій спасъ Россію. Всѣми народными движеніями руководятъ, однако, люди, пользующіеся вліяніемъ, и нижегородскій починъ не могъ быть исключеніемъ.

Во всякомъ случаѣ освѣщеніе событія 17 мая 1606 г. неминуемо должно отразиться на толкованіи развязки всего послѣдующаго.

Передъ правительствомъ „семи бояръ", только что заступившихъ мѣсто свергнутаго и отведеннаго въ плѣнъ В. И. Шуйскаго, выдвигались два сильныхъ внѣшнихъ врага: Тушинскій воръ и король Сигизмундъ. Они словно соединились, чтобы отомстить за кровавую расправу майскую. Такая борьба не по силамъ семиглавому правительству, и необходимо было спасти положеніе, къ тому же сильно осложненное выступленіемъ князя В. В. Голицына въ качествѣ искателя престола.

Что же остается дѣлать людямъ, желавшимъ сплотиться ради высокой цѣли? Нужно раздѣлить силы враговъ, дѣйствуя по мудрому римскому правилу „divide et impera". Прежде всего и главнѣе всего нужно избавиться отъ вора, уже близко подступившаго къ Москвѣ. Нужно рѣшиться на смѣлый и рискованный шагъ. Тогда выкликается Владиславъ, какъ возможный кандидатъ на московскій престолъ, объ немъ говорятъ, объ этомъ ведутся переговоры, и Владиславу ставятъ условія. Даже Гермогенъ не можетъ вначалѣ ничего возражать; но довольно одного этого слуха, чтобы всѣ поляки бросили „вора", и онъ, лишенный главной своей опоры, слабѣетъ и, наконецъ, проваливается. Однимъ врагомъ меньше, и первая цѣль достигнута. Теперь очередь за Владиславомъ или, вѣрнѣе, за непримиримымъ и нетерпимымъ королемъ. Онъ, конечно, не принимаетъ условій и хлопочетъ о себѣ. М. Г. Салтыковъ готовъ на все, даже на признаніе Сигизмунда, лишь бы въ томъ или другомъ видѣ произошло объединеніе двухъ государствъ. Это мысль старая. Между нимъ и Гермогеномъ понятна открытая и явная борьба.

Положеніе критическое. Борьба съ королемъ теперь еще не по силамъ, слишкомъ много еще розни дома. Голицынская партія поднимаетъ голову. Патріархъ рѣзко протестуетъ противъ Владислава и подливаетъ масла въ огонь. Ляпуновское движеніе рухнуло за его смертью. Новый нуженъ рѣшительный шагъ: и вотъ снаряжается чрезвычайное посольство. Во главѣ его Филаретъ: онъ бросается въ пекло, но тянетъ за собою и князя В. В. Голицына — товарищемъ. За отсутствіемъ Филарета, за него ратуютъ сильные и сплоченные друзья. Самъ патріархъ своею горячностью вначалѣ скорѣе вредитъ дѣлу. Оба соперника уходятъ за ру-

бежъ и тамъ становятся плѣнниками короля. Правители бояре не только не „измѣняютъ", но „ограждаютъ" положеніе, хотя и въ плѣну. Салтыкова считать здѣсь нечего, партія же Голицына обезглавлена.

Тѣмъ временемъ дѣятельно подготовляется великое всенародное движеніе. Разъ Голицынъ въ плѣну, то прежняя показная сторона становится ненужной, и можно раскрыть игру.

Дѣло о Владиславѣ не только не измѣна, но непремѣнное доказательство твердой рѣшимости правителей (по крайней мѣрѣ трехъ изъ нихъ) содѣйствовать дѣлу не только освобожденія, но и упроченія будущаго.

Это не государственная измѣна, а актъ политической мудрости и глубокаго домысла. Это смѣлый и, пожалуй, отчаянный шагъ, оправдываемый исключительнымъ положеніемъ и заключавшій въ себѣ предусмотрительный расчетъ, основанный на знаніи характера польскаго короля, достаточно проявившаго себя своею нетерпимостью и фанатизмомъ. Неужели возможно было серьезно думать о согласіи короля на „православіе" Владислава? Вѣдь послѣ него тотъ же Владиславъ становился бы польскимъ королемъ. Какъ же, находясь въ благопріятномъ положеніи „побѣдителя" подъ Смоленскомъ, королю согласиться на такую небывалую уступку, чтобы его преемникъ и будущій польскій король былъ православнымъ? Это вообще было немыслимо, не касаясь Сигизмунда, и удивляться его отказу нельзя. Если бы онъ былъ и побѣжденный, и русскіе стояли бы подъ Варшавой, то и тогда онъ не далъ бы такого согласія. Московскіе дипломаты слишкомъ хорошо знали, съ кѣмъ имѣли дѣло, но они должны были желать неизбѣжной проволочки, съ видимымъ сохраненіемъ нѣкоторой „осторожности" съ своей стороны, чтобы тѣмъ временемъ дать возможность подготовить и сосредоточить освободительныя силы, воодушевленіе которыхъ не могло быть чуждо ни Діонисію Троицкому, ни Ефрему Казанскому и людей къ нимъ прикосновенныхъ, со связями Нижегородскими, съ патріархомъ во главѣ. Безъ благословенія церкви движеніе едва ли возможно.

Возвращаясь къ перелетамъ въ Тушинскій лагерь, припомнимъ, что покойный профессоръ Бестужевъ-Рюминъ [1]) былъ въ числѣ тѣхъ, которые весьма строго относились къ таковымъ, какъ преступникамъ передъ законнымъ правительствомъ. Но гдѣ же было тогда это „законное" правительство? Неужели въ Думѣ В. Шуйскаго, царя не избраннаго, а выкрикнутаго? Правительство

[1]) Бестужевъ-Рюминъ. Письма о Смутномъ времени.

Владислава было фикціей, но фикціей очень нужной до поры до времени, ибо кто могъ повѣрить принятію предлагаемыхъ ему условій, и лазейка всегда была налицо и въ запасѣ...

При наличности Голицына, Владиславъ былъ необходимостью, но когда Голицынъ за рубежомъ, необходимость эта слабѣетъ, и самъ король помогаетъ дѣлу. Гораздо хуже было бы, если бы король, понявъ ловушку, допустилъ хотя для видимости, возможность вступленія Владислава въ Москву. Тогда положеніе было бы труднѣе и придраться было бы не къ чему. Сами захотѣли и попались. Теперь же прямолинейность короля развязывала руки, и эта прямолинейность была у насъ хорошо извѣстна.

Нельзя не допустить съ польской стороны возможности искренняго желанія объединенія, какъ могло быть подобное же движеніе искренно и съ нашей стороны передъ тѣмъ и въ обратномъ смыслѣ. Но могли ли бояре правители, или кто другой повѣрить возможности Владислава, какъ „православнаго" русскаго царя?

Такъ же мало, какъ мало тому вѣрили поляки, когда нѣкогда предлагали единеніе при условіи русскаго царевича, принявшаго „римское католичество". Идея объединенія польско-литовско-русскаго не новая. Она проявлялась еще въ царствованіе Грознаго въ смыслѣ обратномъ, когда желали русскаго царевича... Она существовала при царѣ Ѳеодорѣ, когда опять-таки желали русскаго царевича [1]). Она входила въ программу Льва Сапѣги, когда онъ прибылъ въ Москву въ 1600 году. Она приводилась въ исполненіе въ царствованіе Розстриги, какъ тѣни царевича Димитрія; она выдвинута была заговорщиками 1606 года, но въ смыслѣ обратномъ, когда велись тайные переговоры о польскомъ королевичѣ (Владиславѣ); слѣдовательно, мысль о выборѣ Владислава, какъ объединителя, не новая. Она живуча, но только vice versa, и къ ней прибѣгаютъ, по сверженіи Шуйскаго, какъ къ попыткѣ вынужденной и также не искренно, какъ предлагали то же самое въ 1606 году. Только М. Г. Салтыковъ съ своими присными дѣйствительно домогался ея осуществленія, чѣмъ и заслужилъ у современниковъ прозваніе измѣнника. Но вѣдь королю Сигизмунду предлагали Владислава еще въ 1606 году, и обманно возвели Шуйскаго! Могъ ли онъ вѣрить московскимъ предложеніямъ? Онъ не захотѣлъ отдать Владислава и, подобно Грозному, захотѣлъ самъ государствовать.

Оба опыта должны были быть мертворожденными, но обстоятельства вынуждали въ 1610 году попытать и этотъ польскій

---

[1]) Арх. М. И. Д., пос. Судакова въ Крымъ.

опытъ, хотя бы для того, чтобы укрѣпить сознаніе въ невозможности всякаго иного исхода, кромѣ избранія природнаго русскаго государя, объединителя и примирителя обострившихся счетовъ. И таковымъ могъ быть только Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Князь В. В. Голицынъ, вынужденный обстоятельствами нѣкогда привѣтствовать Розстригу, менѣе другихъ могъ примириться съ заносчивостью и самомнѣніемъ даровитаго властителя, носившаго имя „незаконнаго" сына Грознаго. Онъ могъ бы примириться съ нимъ развѣ брачнымъ свойствомъ, но и эта надежда должна была покинуть многихъ, на то расчитывавшихъ, когда свадьба съ Мариною Мнишекъ стала неизбѣжною. Ненависть къ послѣдней была естественна со стороны бояръ и родовъ княжескихъ, помимо общаго тяжкаго впечатлѣнія на весь народъ, вызваннаго появленіемъ фанатичной польки. 17 мая погибъ Розстрига, а лишь 20 мая возведенъ Шуйскій. Можно себѣ представить смуту этихъ трехъ дней междуцарствія. Время это какъ-то ускользаетъ, на него почти не ссылаются, и подробности событій этихъ дней отъ насъ утаены. Только С. Ѳ. Платоновъ обратилъ на эти дни вниманіе въ вопросѣ о Гермогенѣ и Филаретѣ.

Розстрига — убитъ, и престолъ свободенъ. Легче сплотиться для достиженія первоначальной цѣли, чѣмъ договориться о преемникѣ. Порѣшили никакъ въ эту минуту не обращаться къ собору, казалось бы, вполнѣ естественному въ такое серьезное время. Вѣдь соборомъ избранъ Борисъ Годуновъ, и соборомъ избранъ Михаилъ Романовъ, несмотря на всѣ благопріятныя для нихъ условія. Избраніе Шуйскаго соборомъ было слишкомъ рисковано, и это лишній аргументъ въ пользу случайности событія 17 мая, какъ дѣла кучки заговорщиковъ, безъ связей съ землею, съ народомъ, ему сочувствовавшимъ. Способствовалъ ли В. В. Голицынъ избранію Шуйскаго—не ясно. Возможно, что и такъ, и не даромъ же появились стѣснительныя условія. Но быть обязаннымъ престоломъ Голицыну невыгодно Шуйскому. Неудовольствіе на послѣдняго росло. Характеромъ Шуйскій съ Голицыномъ не сходились. Послѣдній скоро выступилъ опаснымъ соперникомъ, и его клевреты Ляпуновы, наконецъ, и свергли Шуйскаго. Но повторять роль Шуйскаго не пришлось Голицыну. Личныя свойства „столба" таковы, что онъ не могъ оставаться въ тѣни, и дѣятельность его скоро выдвинулась въ видѣ одной изъ сильныхъ помѣхъ къ движенію въ пользу Романова. Враги внѣшніе не менѣе были опасны враговъ внутреннихъ для временнаго боярскаго правительства. Самъ Голицынъ, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ этого правительства,

очень скоро проявилъ свою дѣятельность, на личныхъ расчетахъ основанную. Князь „Гедиминовичъ“ не могъ, однако, сравняться значеніемъ въ странѣ съ сыномъ Никиты Романовича. Положеніемъ своимъ Филаретъ обязанъ заслугамъ предшествовавшихъ поколѣній, закрѣпленнымъ его личнымъ значеніемъ.

Не будь вора и короля, Голицынъ не былъ бы опасенъ, но, при наличности двухъ враговъ, третій подкапывалъ усилія обороны и, помимо воли, былъ удобенъ полякамъ, дробя русскія силы. Но въ тотъ день, когда Голицынъ не могъ уже уклониться отъ чрезвычайнаго посольства въ Польшу и не могъ оставить всѣ посольскія дѣла въ рукахъ одного Филарета,—въ тотъ день партія Голицына получила смертельный ударъ. Ему уже не суждено было возвратиться на родину, гдѣ безъ него все было закончено.

Пожарскій, Хованскій, Хворостининъ, Куракинъ и другіе князья, даже съ Гермогеномъ во главѣ, склонявшіеся къ Голицыну, слабѣе были сторонниковъ братьевъ Никитичей, и борьба становилась неровною.

Что Пожарскій, хотя и главный воевода, не былъ вполнѣ предоставленъ себѣ и что за нимъ слѣдили, видно изъ дальнѣйшихъ дѣйствій его рати. Его медлительность въ Ярославлѣ вызывала справедливые упреки. Пожарскій не скрывалъ своихъ связей съ Голицынымъ —„столбомъ“— и жалѣлъ объ его отсутствіи. Его поѣздка въ Суздаль была вполнѣ несвоевременна и затянула движеніе къ Москвѣ, ожидавшей его прихода для подкрѣпленія полковъ Трубецкаго.

Уѣзжая въ Суздаль, онъ передаетъ начальство князю Хворостинину, человѣку той же партіи. Но не дремали представители другого направленія, находившіеся въ рати Нижегородской и съ Кузьмою Мининымъ. Они сносились съ Москвой и съ Троицкой лаврой и съ ратью Трубецкаго и приняли мѣры къ понужденію князя Пожарскаго, все чего-то выжидавшаго. Посольство архіепископа ростовскаго Кирилла Завидова дало желанный толчекъ, и заслуга послѣдняго недостаточно подчеркнута. Его вообще замалчиваютъ современные ему писатели.

Что Пожарскій нуждался въ толчкѣ, это преданіе сохранилось въ житіи Св. Иринарха Борисоглѣбскаго, сильно побуждавшаго его къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Рать Трубецкаго не могла внушать довѣрія, ради казацкаго не всегда благонадежнаго элемента и присутствія Заруцкаго, но когда произошелъ расколъ съ послѣднимъ, то Трубецкой остался съ слишкомъ слабыми силами, чтобы дѣйствовать единолично. Между нами и властями Троицкой Лавры происходилъ, однако,

постоянный обмѣнъ сношеній, и была же заслуга со стороны Трубецкаго, вызвавшая къ нему благоволеніе Романовыхъ, чего наоборотъ незамѣтно по отношенію къ Пожарскому. Конечно, у всѣхъ должна быть одна цѣль—освобожденіе Москвы, но что же дальше? Неизбѣженъ вопросъ объ избраніи Царя и тутъ цѣли должны расходиться. Не отсюда ли и колебанія въ совокупныхъ дѣйствіяхъ обѣихъ ратей? За Пожарскимъ сохранился ореолъ избавителя отечества, хотя заслуга его раздѣляется имъ съ другими, оставшимися въ тѣни. Ему простили многое, по достиженіи успѣха, но ходу дальнѣйшаго ему не дали, да и дарованіями своими онъ не шелъ далѣе зауряднаго боевого воеводы. Трубецкой, съ меньшею доблестью, беретъ надъ нимъ перевѣсъ служебнымъ положеніемъ и связями. Его и наградили гораздо шире.

Въ осажденной Москвѣ находится въ это время съ плѣнными боярами архимандритъ Элассонскій Арсеній-Грекъ. Это также лицо, замалчиваемое современниками, какъ и Кириллъ Завидовъ. Онъ свидѣтель многаго изъ недавняго прошлаго, онъ, лично вѣнчавшій Розстригу древнимъ вѣнцомъ на гробѣ Царя Ивана! [1]) Съ нимъ заперлись два патріарха—Игнатій въ Чудовомъ монастырѣ и Гермогенъ въ метохѣ Св. Кирилла,—митроп. Крутецкій Пафнутій, Михаилъ Ѳеод. Нагой и Царица Марѳа Нагая. Она скончалась тогда же черезъ 20 дней послѣ брата [2]). Скончался и Пафнутій „архіерей благочестивый, святой, постникъ, подвижникъ въ высшей степени“. Въ кремлевскій пожаръ сгорѣлъ тогда и домъ Арсенія Элассонскаго... Поляки попросили, наконецъ, о мирѣ.

Москва спасена, и плѣнные нами приняты съ великимъ почетомъ, отнюдь не какъ „измѣнники“ [3]). Вышелъ изъ Москвы не одинъ Иванъ Никитичъ Романовъ, но и малолѣтній племянникъ его Михаилъ Ѳеодоровичъ. Встрѣча имъ сдѣлана торжественная, и сразу становится ясно, что они не сторонники, во всякомъ случаѣ, Голицына. Дальнѣйшее вытекаетъ само собой. Самое же избраніе Михаила Романова совершилось уже при непремѣнномъ и дѣятельномъ участіи этихъ названныхъ измѣнниковъ, оказавшихся лучшими сторонниками желаннаго всѣми Царя.

Казаки и Тушинцы участвовали, конечно, въ избраніи Царя, но наименованіе „Тушинцевъ“ неопредѣленно, ибо Тушинцемъ былъ всякій, желавшій удостовѣриться въ личности Розстриги, а желаніе исходило изъ различныхъ побужденій, и потому словамъ

---

[1]) Арс. Элласонскаго Записки. Изд. пр. Дмитріевскаго.
[2]) Арс. Эласонск. Записки, ibid, с. 155.
[3]) А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Ч. III.

„Тушинцы“ не дается строго опредѣленнаго понятія о качествѣ этой группы. Если почитать „Тушинцемъ“ Патріарха Филарета, то конечно возможно назвать новое правительство „Тушинскимъ“, но едва ли это будетъ строго соотвѣтствовать дѣйствительному понятію о характерѣ этого правительства. Можно не сочувствовать личности Филарета, но трудно видѣть въ этомъ выдающемся государственномъ человѣкѣ только „Тушинца“, да и при томъ неопредѣленнаго.

Удаленіе въ Ипатьевскій монастырь не напоминаетъ ли удаленіе въ Новодѣвичій, и самый выборъ Годуновскаго монастыря не носилъ ли политическаго характера? Великая Старица, въ рукахъ которой соединялись теперь сложныя нити, не могла же оставаться безъ связей съ предначертаніями мужа, путемъ многочисленныхъ его сторонниковъ въ разныхъ слояхъ. Не даромъ же ее и сравниваютъ съ Императрицей Ѳеодорой: „Яко же Ѳеодору съ сыномъ древле получиша Греки, сице таковы и мы другія“ [1]).

Мстиславскій скроменъ и безличенъ при всей своей доблести, Шереметевъ проявился опытнымъ дипломатомъ, Черкаскій—воевода близкій родственникъ и свой человѣкъ Романовымъ (родной племянникъ Филарета), И. Н. Романовъ—ближайшее лицо къ молодому Михаилу, родной его дядя, слѣдовательно, представитель могущественныхъ „Никитичей“, съ которыми давно считались, болѣе чѣмъ съ другими. Неужели все это „измѣнники“! Но правдоподобно ли это предположеніе, когда такъ ясно приближалось осуществленіе давно задуманнаго дѣла? И легче было Романовымъ и друзьямъ ихъ молчать объ осуществленіи стремленій, когда за ними было народное имя, столь дорогое и любимое, когда къ нимъ явно склонялось всенародное множество. Что таковой планъ существовалъ издавна, нисколько не измѣняетъ значеніе „всенароднаго“ избранія, ибо на молодомъ Михаилѣ легче было сплотиться, чѣмъ даже на отцѣ его, будь онъ не постриженъ, и если мы не находимъ иныхъ подписей на актѣ избранія, то это лишь свидѣтельство тому, что были элементы, не сразу примкнувшіе и лишь только при сознаніи невозможности иного исхода.

Легко извратить настоящій смыслъ событій—и въ особенности, когда извращено его начало, то самое, что открывало путь къ престолу. Когда измѣнится взглядъ на послѣднее, то клубокъ дальнѣйшихъ событій размотается совершенно иначе. Но пока мы не пойдемъ къ основному вопросу, мы будемъ блуждать въ по-

---

[1]) Рук. Флор. пуст., л. 298. Сбор. Тимофеева.

темкахъ и заплутаемся въ дебряхъ нами же созданныхъ предположеній и теорій.

Вступленіе на престолъ Царя Михаила еще не было окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса о полномъ умиротвореніи. Трудности, встрѣчавшіяся на пути новаго царствованія, были велики, и привычка къ смутѣ и самоуправству глубоко вкоренилась во всѣ слои. Велика заслуга правителей того времени, которые своею послѣдовательною политикою и осмотрительнымъ образомъ дѣйствій привели къ желанному умиротворенію. Тѣ же помѣхи, хотя въ болѣе слабой степени, были еще налицо:

1) Воръ. Онъ возродился въ лицѣ Марины, съ ея сыномъ Ивашкою и Заруцкимъ. 2) Король. Онъ усилился замѣною Сигизмунда Владиславомъ, „оброннымъ“ царемъ русскимъ, которому когда-то присягали, и потому считавшимъ Михаила Ѳеодоровича Романова соперникомъ. 3) Голицынъ—„Столбъ“, хотя онъ и въ плѣну, безсильный лично, но по прежнему привлекаетъ на Руси многихъ недовольныхъ, непримирявшихся съ воцареніемъ Романовыхъ.

Ко всѣмъ этимъ тремъ помѣхамъ слѣдуетъ присоединить и наличность плѣннаго Царя Василія Ивановича Шуйскаго, томившагося въ Польшѣ со своею семьею.

„Царица“ Марина, „Царь“ Владиславъ, „Царь“ Шуйскій и „Царь“ Михаилъ! Въ плѣну же и глава новой династіи—Патріархъ Филаретъ, тотъ, что на современномъ портретѣ названъ „Царь Ѳеодоръ Никитичъ“!

Прибавимъ сюда разнузданность и шаткость казаковъ, татарскихъ ордъ, шведовъ, еще державшихся въ Новгородской области, а также и далеко не установившееся положеніе въ самой Москвѣ, при наличности стольнихъ свидѣтелей и дѣятелей самыхъ различныхъ направленій, всякихъ „Государевыхъ измѣнниковъ“, не познающихъ другъ друга, по быстротѣ смѣнявшихся царствованій, разнообразныхъ сторонниковъ, многоразличныхъ стремленій, воплощаемыхъ поочередно Годуновымъ, Розстригою, Шуйскимъ, Владиславомъ, Голицынымъ и, наконецъ, Романовымъ!

За рубежомъ стерегли насъ и окружали тѣснымъ кольцомъ враждебные намъ англичане, шведы, поляки, турки, крымскіе татары, ногаи и персы. Взять въ руки кормило правленія при молодомъ и неопытномъ Царѣ, при наличности властолюбивой матери, безъ настоящаго главы и руководителя, хотя и чувствуя его налицо и находясь какъ бы подъ его наблюденіемъ, дѣло не легкое, и заслуга правительства того времени не малая. Но кто же

составляли это правительство? Кто тѣ вліятельные люди, которые окружали престолъ Михаила?

То были, за исключеніемъ Голицына, Куракина и Салтыкова, представители той же „Семибоярщины“, съ придачею другихъ Салтыковыхъ же,—родства Великой Старицы.

Мы уже говорили, что если выдѣлить изъ Семибоярщины четырехъ лицъ, то останутся: И. Н. Романовъ, Князь Иванъ Борисовичъ Черкаскій и Ѳ. И. Шереметевъ, т.-е. меньшинство „Семибоярщины“, которое преимущественно способствовало успѣху противодѣйствія партіи Голицына. Но вѣдь это все тѣ же „кривые“, тѣ же „названные“ измѣнники, по мнѣнію господствующему. Вотъ эти-то „измѣнники“ и составляютъ правительство Царя Михаила; они же при немъ люди самые приближенные и вліятельные. Это сплоченная группа, признававшая принципіальное руководительство Филарета.

Салтыковы, родство Великой Старицы (помимо Михаила Глѣбовича), это другая группа, не идущая съ ними врознь противъ враговъ внѣшнихъ, но съ значительнымъ оттѣнкомъ розни въ дѣлахъ домашнихъ, придворныхъ, связанныхъ съ вопросомъ брачнымъ и на почвѣ мѣстничества, но Салтыковъ (М. Г.), Юрій Трубецкой, Ѳедька Андроновъ, Иванъ Безобразовъ—это безспорно кривые [1]).

Филаретъ съ одной стороны, Великая Старица съ другой, при всемъ ихъ единодушіи и дружбѣ, являлись руководителями двухъ теченій дворцовыхъ, державшихся, понятно, соотвѣтствующаго родства—Романовыхъ съ одной стороны, Салтыковыхъ-Шестовыхъ (что одно и то же) съ другой. Всѣ же они сходились въ борьбѣ съ внѣшними врагами и съ искателями царскаго вѣнца.

Всѣ эти лица не дюжинныя, люди съ характеромъ и волею, за исключеніемъ развѣ князя Ѳ. И. Мстиславскаго, который былъ необходимъ со стороны внѣшней, показной, какъ первый между равными, старѣйшій по значенію рода и родству съ Московскими Великими Князьями, человѣкъ смирный, кроткій, но доблестный и храбрый воинъ, всегда уступавшій въ дѣлахъ совѣта мнѣнію болѣе сильныхъ и только для видимости игравшій во время Семибоярщины какъ бы первую роль. При такомъ значеніи Мстиславскаго, при болѣе дворцовомъ характерѣ Салтыковыхъ, государственное значеніе сосредоточивается на трехъ боярахъ: Романовѣ, Черкаскомъ и Шереметевѣ. Вотъ тріумвиратъ, которому

---

[1]) Арс. Элассъ. Записки.

вполнѣ могъ довѣряться сидѣвшій въ плѣну Филаретъ. Они свойственники, главные совѣтники и дѣятели молодого царствованія Михаила. Они руководили дѣлами ратными и политикою, внутреннею и внѣшнею. Значеніе ихъ ясно изъ документовъ царствованія. Близость ихъ несомнѣнна. Но кто же они?

— „Названные измѣнники", яко бы продавшіе Русь Владиславу! Но развѣ это обвиненіе оправдывается фактами и царствованіемъ Царя Михаила? Сравните положеніе ихъ съ положеніемъ прославленнаго спасителя отечества князя Пожарскаго, даже съ положеніемъ Козьмы Минина. Послѣдніе политической роли уже не играютъ. Слѣдовательно, они были нужны для извѣстнаго дѣла, но едва ли были всецѣло руководителями его. Екатерина, имѣвшая передъ собою цѣнные документы и занимавшаяся Смутнымъ временемъ, говорила, что „этимъ" людямъ, (т.-е. такъ называемымъ измѣнникамъ!) слѣдовало бы поставить памятники [1]. Она оцѣнила по достоинству ихъ значеніе, и опредѣлила ихъ заслугу.

Насколько непроченъ былъ престолъ въ первое десятилѣтіе царствованія Михаила Өеодоровича, видимъ изъ войнъ его съ Владиславомъ, вплоть до Поляновскаго мира не терявшимъ надежды одолѣть своего соперника. Особенно ярко выступаетъ эта непрочность въ вопросахъ брачныхъ, съ которыми издревле связаны усиленія происковъ и интригъ, подъ вліяніемъ той или другой семьи. Положеніе упрочилось лишь по возвращеніи изъ плѣна Филарета и съ его патріаршества. Рукою властною захватилъ онъ бразды правленія, и смолкли тогда, присмирѣли враждебные голоса. За то, когда умеръ Филаретъ, настало время новаго подъема враждебныхъ силъ, радовавшихся утратѣ сильнаго человѣка. Это какъ разъ въ разгаръ Смоленской осады и громкой опалы Шеина съ Измайловымъ, также дѣятелей смуты, но другого лагеря [2].

Темное дѣло Хлоповой, къ которому примѣшаны Желябужскіе, родственные Голицынымъ, гораздо раньше открыло многимъ глаза; а бракъ съ княжной М. В. Долгоруковой закончился быстрою ея кончиною, при чемъ была челобитная царю „недружбою" (отъ Θ. И. Шереметева) на князя В. Т. Долгорукова [3]. Только бракъ съ Е. Л. Стрѣшневой закрѣпилъ положеніе рожденіемъ

---

[1]) Antidote.
[2]) Иловайскій. Ист. Россіи.
[3]) А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. ч. II.

сына. На этотъ разъ выборъ вполнѣ успокаивалъ сторонниковъ Михаила, и они почувствовали обезпечивающую почву.

Царь Алексѣй Михайловичъ дѣятельно во все свое царствованіе, и не безъ причины, считался съ теченіями, шедшими отъ временъ смуты. Сторонники „Старины" и сторонники „Новизны" поочередно заслуживали его поддержки, и колебанія его не чужды были женскихъ вліяній.

Царь Алексѣй въ началѣ и въ концѣ своего царствованія стремился къ новшествамъ, но не справился съ враждебною стороною. Петръ, изучившій прошлое Россіи, не остановился на полупути и рѣзко повелъ подражательность пріемамъ Розстриги даже до мелочей.

Петровскій переворотъ совершенно иначе представится при иной точкѣ зрѣнія, какъ равно и дѣло Царевича Алексѣя. То была борьба изъ-за стараго спора, изъ-за столкновенія двухъ взглядовъ, двухъ направленій, обострившихъ и знаменитый „Никоновскій" вопросъ, въ которомъ политическая и „семейная" сторона слились съ церковною.

Къ такимъ мыслямъ приводитъ затемненность главнаго положенія объ Угличскомъ событіи. Но вопросъ этотъ авторитетнымъ голосомъ признанъ „открытымъ".

Царевичъ Алексѣй и его злополучное дѣло до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснены, но важно то, что по признанію одного изъ главныхъ заговорщиковъ, суздальскаго архимандрита Досиѳея, главою заговора былъ не-кто другой, какъ „Царевичъ Дмитрій Углицкій"! Онъ будто бы явился Досиѳею, указывая ему на необходимость подняться на Петра [1]).

Это характерно и указываетъ на живучесть стараго корня, на возможность сравненій „вора" съ „антихристомъ"! Ударъ наносится, выхватывая оружіе изъ чужихъ рукъ, ибо сравненіе Петра съ Розстригой это—то сравненіе, которое отъ юности напрашивалось Петру, но въ смыслѣ противоположномъ.

Положеніе Петра въ дѣтствѣ напоминаетъ положеніе Димитрія Угличскаго, и онъ не могъ на этомъ не остановиться [2]). Пытливый умъ его долженъ былъ заинтересоваться загадочнымъ явленіемъ Розстриги, и тайна его ему должна быть извѣстна. Но его связываютъ обстоятельства передъ прошлымъ и будущимъ, и онъ долженъ еще болѣе возненавидѣть тѣ условія, которыя, погубивъ одного, связывали руки и другому.

---

[1]) Устряловъ. Дѣло Царев. Алексѣя, II.

[2]) Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго.

Призракъ Угличскаго Царевича, кто бы онъ ни былъ, и съ нимъ таинственнаго Розстриги, долженъ былъ преслѣдовать Петра. Въ царствованіе его внука Петра II почувствовался возвратъ къ былому, а смерть послѣдняго невольно напоминаетъ смерть Ѳедора Ивановича. Все, относившееся до конца 16-го вѣка, должно было всплыть въ 18-мъ; тогда чувствуется и желаніе приподнять завѣсу, скрывающую отъ насъ загадочное событіе 1591 года. Загадка эта упорно занимала Императрицу Екатерину II: она же далеко не была равнодушной и ея внуку Императору Николаю...

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича Романова продолжалось 32 года и упрочило спокойствіе и величіе Россіи. Личность его менѣе ярко выступаетъ, нежели личность отца его Филарета и сына, Царя Алексѣя. Быть можетъ, это и послужило къ преувеличенному умаленію способностей и качествъ перваго Царя изъ дома Романовыхъ. Но развѣ онъ такъ безцвѣтенъ, какъ кажется? Примѣръ Царя Ѳеодора, съ легкой руки иностранцевъ превращеннаго въ полуубогаго, а на дѣлѣ являющаго совсѣмъ иные признаки, долженъ былъ бы внушить осторожность въ подобныхъ опредѣленіяхъ. Въ данномъ случаѣ даже иностранцы на перерывъ свидѣтельствуютъ о добротѣ и привѣтливости Михаила, о сочувствіи его иноземцамъ, несмотря на видимые успѣхи русской политики. Англичане, уже мечтавшіе о присоединеніи прибрежій Студенаго моря для образованія своей торговой компаніи, вынужденно довольствуются продолженіемъ политики Царя Ѳеодора и Бориса Годунова. Ихъ представитель John Merric при дворѣ Царя Михаила, но успѣхъ его политики отрицательный. Шведскіе затѣи и замыслы остановлены Столбовскимъ договоромъ, и Делагарди уходитъ во свояси. Польскій натискъ отбитъ, Заруцкій разгромленъ, Марина съ Ивашкой погибаютъ. Истощенная казна пополняется щедрою поддержкою Строгановыхъ. Вездѣ постепенно водворяется порядокъ, и учиняется власть. Въ то же время при Царѣ Михаилѣ небывалый расцвѣтъ земскихъ соборовъ, собиравшихся при немъ всего чаще, хотя рядомъ съ этимъ и полный просторъ мѣстничеству, съ усиленіемъ этого зла.

Можно сказать, что при Царѣ Михаилѣ былъ отецъ его Великій Государь Святѣйшій Патріархъ. Но кто же велъ дѣла до его возвращенія изъ плѣна? Кто въ критическую минуту, тотчасъ послѣ его смерти, среди возобновившихся заговоровъ и измѣнъ, снова рукою властною сдержалъ потоки и оградилъ положеніе, подготовляя будущее, упрочивъ правительство Царя Михаила, мирно и величаво кончившаго свои дни, многими оплаканный? Мы

не можемъ указать на дѣло одного выдающагося лица, но можно сказать, что еще не сошли съ поприща государственные люди, нѣкогда помогавшіе Филарету и прошедшую суровую его школу.

Особенно важно то, что они не потерялись и послѣ смерти Филарета, и враги, расчитывавшіе на эту растерянность, остались обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ.

Понятно какое значеніе долженъ имѣть бракъ Царя Михаила съ Е. Л. Стрѣшневой. Она находилась при немъ неотлучно, оправдывая надежды, ибо „умножилась, яко Рахиль". Престолонаслѣдіе было вполнѣ обезпечено, а въ лицѣ Царя Алексѣя созрѣлъ одинъ изъ выдающихся правителей, вмѣщавшій въ себѣ дѣдовскія черты съ материнскимъ добродушіемъ, глухо и не точно именуемый „Тишайшимъ"; изъ него же возникъ тотъ русскій богатырь, тотъ труженикъ неутомимый и созидательный геній, ломившій всѣ преграды, тотъ „мужъ кровавый" и другъ „Ивашки Хмѣльницкаго", что, опираясь на прошлое и памятуя „безвременнаго молодца" былинъ, сумѣлъ счастливѣе его продолжать и оживить намѣченный имъ и задержанный событіями широкій историческій путь...

Заговоръ, обнаружившійся въ Москвѣ вскорѣ по пріѣздѣ туда Императрицы Анны Іоанневны, провалъ земли по дорогѣ изъ Измайлова, по пути слѣдованія Императрицы, произвелъ въ свое время глубокое впечатлѣніе [1]), окончательно бросивъ ее въ руки Бирона, котораго охотно сравниваютъ современники съ Борисомъ Годуновымъ. Вслѣдъ затѣмъ она покинула Москву. Едва ли этотъ фактъ обратилъ на себя достаточное вниманіе. Въ связи съ этимъ произведены обыски въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Сопоставленіе смерти Царя Ѳеодора со смертью Петра II заставило многихъ оживить въ памяти злополучное смутное время, съ господствомъ Годунова и съ таинственнымъ Угличскимъ событіемъ.

Въ числѣ заподозрѣнныхъ былъ и одинъ изъ родственниковъ Артемія Волынскаго. Дѣло послѣдняго еще не вполнѣ обнародовано. Извѣстно, что главнымъ обвиненіемъ служила „Историческая записка", имъ доставленная Императрицѣ. Самой записки, однако, въ дѣлѣ нѣтъ, и такимъ образомъ важнѣйшій обвинительный пунктъ это тотъ, который отъ насъ скрытъ. Артемій Волынскій, какъ говорятъ намъ, занимался историческими изысканіями о своемъ родѣ. Въ смутное время „меньшой Волынскій"— одинъ изъ второстепенныхъ дѣятелей, прикосновенныхъ къ дѣлу Царевича Димитрія и Розстриги. О чемъ писалъ Артемій Волын-

[1]) Сборн. И. Р. Историч. Общ., ч. 81, стр. 156—157.

скій, что могло такъ оскорбить Государыню, праправнуку Михаила Глѣбовича Салтыкова? Коснулся ли онъ Смутнаго времени и не выставилъ ли неосторожно того, о чемъ лучше было бы промолчать?..

Къ числу родовъ, не процвѣтшихъ при Романовыхъ, несмотря на родовитость и прежнее значеніе, принадлежали князья Звенигородскіе. Въ теченіе 18-го вѣка они упоминаются, какъ третьестепенные дѣятели и въ Малороссіи, въ эпоху появленія новыхъ Самозванцевъ, но слухъ объ нихъ глохнетъ съ началомъ 18-го вѣка, они совершенно захудали и до того, что лишились доказательствъ своего прямого происхожденія отъ племянниковъ М. Г. Салтыкова. Они даже лишились своего княжескаго титула.

Въ эпоху Семибоярщины, Звенигородскіе также переписывались съ Львомъ Сапѣгой, прося помощи и покровительства. Самъ М. Г. Салтыковъ оказываетъ имъ въ этихъ переговорахъ посредническую поддержку. Изслѣдованіе о князьяхъ Звенигородскихъ Смутнаго времени представило бы значительный интересъ по той собственной роли, которую они играютъ, будучи на службѣ всегда въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ является связь съ тѣнью Димитрія. „Двинское“ воеводство и затѣмъ „Смоленское“ вотъ, отчасти, поприще дѣятельности Звенигородскихъ.

Нельзя не обратить вниманіе на исчезновеніе нѣкоторыхъ родовъ въ смутное время и появленіе ихъ гораздо позднѣе (Тучковы, Воронцовы).

Что касается до князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкого, женатаго на княжнѣ Маріи Татевой и на Аннѣ Васильевнѣ Воронцовой, то онъ записанъ въ синодики Великой Старицы Марѳы Ивановны и, вообще, по воцареніи Романовыхъ, пользуется значительно большимъ почетомъ, нежели кн. Пожарскій, выданный головою Салтыковымъ.

При возвращеніи изъ плѣна Филарета Никитича видную роль играетъ кн. Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой. Къ послѣднему вообще относятся пренебрежительно; правда, онъ получилъ боярство отъ Тушинскаго вора, что не очень почетно.

Въ то время Гермогенъ патріаршествовалъ въ Москвѣ,—тотъ самый Гермогенъ, котораго Никонъ обозвалъ „неблагозаконнымъ“ патріархомъ. Появленіе Филарета въ Тушинѣ отчасти подневольное, но онъ сумѣлъ воспользоваться этимъ пребываніемъ. „Воръ“, игравшій роль убитаго Розстриги, не могъ, въ силу этой же роли, не ублажать Романова, возвращеннаго Розстригою изъ ссылки.

Весьма жаль, что такъ мало сохранилось свѣдѣній о пребываніи въ польскомъ плѣну Филарета и Голицына. Трагическое

положеніе двухъ соперниковъ было на руку Владиславу, знавшему объ ихъ соперничествѣ. Родство между Голицынымъ и Желябужскими не лишено значенія и имѣетъ связи съ дѣломъ несчастной Хлоповой.

Почему-то бракъ царя Михаила съ княжною Долгоруковой былъ особенно непріятенъ сторонникамъ Никитичей. Потому ли, что она была представительницей „княжеской" группы. Бракъ этотъ вызвалъ сильное движеніе враждебное, которое взяло верхъ и погубило молодую царицу.

Брачный вопросъ—это всегдашній изстари камень преткновенія. Цари неизбѣжно испытывали на себѣ вліяніе царицына родства. Отсюда ожесточенное соперничество и борьба партій; непремѣнное обязательство выбирать между своими было почти непреодолимо, и нужна была особливая смѣлость, чтобы пренебречь этимъ вѣковымъ обычаемъ. И только трое пренебрегли имъ, три царя, между которыми не случайное сходство. Царь Иванъ, сынъ Елены Глинской, былъ мужемъ пяти женъ; за нимъ Розстрига дерзнулъ ввести въ царскіе чертоги Марину Мнишекъ, Петръ Великій пошелъ еще дальше и, повторивъ роковой примѣръ Василія Ивановича (удалившаго Соломонію Сабурову), въ свою очередь удалилъ Евдокію Лопухину, имѣя отъ нея сына и внука, и—короновалъ Екатерину!

Но этимъ и ограничивается сходство этихъ двухъ женщинъ. Одна погубила своего избранника, другая спасла ему царство въ 1711 году. Обѣ не прошли безслѣдно въ жизни своихъ мужей, осложняя и сокращая имъ самую жизнь.

Связи съ прошлымъ не разрываются безнаказанно. Зерно государства—семья. Въ ней истинно созидающая основа!

Г. С. Ш.

